

«Утечка мозгов» или «мозговое обращение»: социально-психологические особенности миграции ученых

**Зотова О.Ю.,
Мостиков С.В.**

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Гуманитарный университет», Екатеринбург (Россия)

В статье рассматриваются особенности научной миграции российских ученых за рубеж. Данная тема сравнительно мало изучена, т.к. большая часть работ посвящена миграции в целом, а не исследованию данной социальной группы. Часто упоминаемое в 90-х годах выражение «утечка мозгов» уже не отражает всего разнообразия научной миграции в XXI веке.

Цель статьи – дать описание современного положения мигрантов-ученых за рубежом, указать специфические характеристики трудового рынка академической среды, эксплицировать основные способы международной интеграции.

Материал и методы. В работе содержатся сведения о русскоговорящих ученых, мигрирующих в США и ЕС (как наиболее притягательные регионы). Все цитируемые исследования еще не переведены на белорусский и русский языки. В работе представлен многолетний авторский опыт сотрудничества с зарубежными университетами и международными фондами. При этом использованы методы: дескриптивный, анализ и синтез, обобщение.

Результаты и их обсуждение. Проведен дескриптивный анализ трудового рынка академической среды и влияния опыта сотрудничества (стажировки, временной миграции) на карьерные перспективы. Указан новый фактор, воздействующий на успешность социально-психологической аккультурации мигранта-ученого, – это национальная специфика научной дисциплины в стране исхода и принимающей культуры. Это особенно ярко заметно в гуманитарных областях знания.

В отличие от других социальных групп, для ученых характерно тяготение к временной или циркулярной трудовой миграции. Эта особенность во многом облегчает процесс психологической адаптации. Раскрыты специфические черты феномена «утечка мозгов» в зависимости от типа социального устройства, произведено позитивное переформулирование данного понятия в «мозговое обращение».

Заключение. В исследовании раскрыты принципиальные и специфические закономерности современного положения научной миграции из постсоветских государств в страны Запада. Перечислены социальные, психологические, экономические факторы влияния.

Ключевые слова: миграция, интеллектуальная безопасность, соционихологическая адаптация мигрантов.

“Brain Drain” or “Brain Circulation”: Social and Psychological Features of Scientist Migration

**Zotova O.Y.,
Mostikov S.V.**

*Non State Educational Establishment of Higher Professional Education
“Liberal Arts University”, Yekaterinburg (Russia)*

The article discusses the features of the scientific emigration of Russian scientists abroad. This topic is a relatively little studied one, because most of the work is devoted to migration in general, rather than the study of this social group. The frequently mentioned in the 1990s “brain drain” doesn't reflect the identity of all the scientific migration in the 21st century.

The purpose of the article is to describe the current situation of scientific migrants abroad, to indicate the specific characteristics of the labor market of the academic environment, to explicate the basic methods of integration in the international scientific community.

Material and methods. The paper contains integrated information about Russian scientists who migrate to the United States and the European Union (as the most attractive regions). All cited studies have not been translated into Russian or Belarusian yet. The paper presents the author's many years of experience in cooperation with foreign universities and international funds.

Findings and their discussion. The authors make descriptive analysis of the labor market of the academic sphere and the impact of cooperation

experience (academic courses, temporary migration) with foreign colleagues on career prospects. A new factor is identified which affects the success of the social and psychological acculturation of scientific migrant; it is national specificity of the research discipline both in the country of origin and the host culture. It is most clearly noticeable in the humanities.

In contrast to other social groups, scientists tend to be inclined to temporary or circular migration; this feature makes the process of psychological adaptation easier. Specific features of the phenomenon of brain drain are disclosed depending on the type of social system and positive redefinition into "brain circulation" is made.

Conclusion. The study reveals fundamental and specific tendencies of the contemporary scientific migration from post Soviet states to the West. Social, psychological and economic factors of the impact are listed.

Key words: migration, intellectual security, social and psychological adaptation of migrants, acculturation.

Миграционные потоки являются неотъемлемой частью современного глобального мироустройства. Только по предварительным подсчетам в настоящее время существует порядка 232 миллионов мигрантов, и это число постоянно растет. Традиционными регионами притяжения являются страны Евросоюза, Северная Америка и Австралия. Ведущее место в процессе интенсификации географической мобильности играют не только социально-экономические факторы (люди всегда хотят жить лучше и богаче), но и психологическая, индивидуальная трактовка личностью своего места в обществе. Индивид, воспринимающий свое положение в стране как «тяжелое, кризисное, непредсказуемое», неизбежно будет испытывать более интенсивный стресс и хроническое напряжение. Это индуцирует две основные модели поведения: смирене и покорность обстоятельствам с отказом от борьбы (депрессивно-пессимистическая установка), либо активное противостояние и борьба за улучшение положения. В зависимости от индивидуально-психологических особенностей и наличия внутриструктурных ресурсов, с учетом существующего контекста, человек выбирает различные поведенческие тактики в совладании со стрессом. Один принимает и смиряется перед обстоятельствами, а другой продолжает бороться и менять свою жизнь, например, посредством миграции.

В результате оказывается, что в процессе миграции вовлечены наиболее амбициозные, социально активные и готовые рисковать индивиды, которые не довольствуются малым, а готовы идти дальше, чем статистическое большинство.

Одну из важных позиций в этих глобальных мигрантских потоках занимают ученые, и это неслучайно. Для того чтобы подготовить достаточно хорошего специалиста уходит не меньше 10 лет. Наука, особенно фундаментальная, – это всегда роскошь, которую может себе позволить не каждое государство. Для страны-донора отезд любого ученого оборачивается не просто потерей затраченного времени на обучение, но и существенными финансовыми убытками (прямыми, косвенными, потенциальными и т.д.). Выигрывает в этом случае принимающее государство. Получить готового специалиста, состоявшегося уче-

ного без временных и финансовых инвестиций и при этом, в большинстве случаев, платить ему меньше, чем представителям титульной нации достаточно выгодно, таким образом в настоящее время мы можем говорить о новых формах производства символического капитала – «мигрирующий научный капитал».

Значимость рассмотрения заявленной проблематики связана не только с переосмыслением феномена «утечки мозгов» (brain drain), о котором достаточно много и подробно писали в начале 90-х годов прошлого века, но и с пониманием научного сообщества как носителя и одновременно транслятора специфической формы человеческого знания о мире и человеке. Процесс обучения и «возвращения» ученого требует значительных ресурсов и затрат, но при этом отдача, особенно в теоретических исследованиях, может носить отсроченный, опосредованный либо символический характер, не верифицируемый количественными методами исследования.

На наш взгляд, научный сегмент рынка труда представляет собой специфическое явление, которое трудно описать с помощью традиционных социальных, психологических или экономических моделей. Классический постулат равновесия спроса и предложения с последующим формированием сбалансированной цены за предоставляемые научным сообществом трудовые ресурсы не срабатывает в сфере науки. Значимость труда ученого определяется больше социальными практиками, культурными конвенциями и общей ситуацией в принимающей стране, именно поэтому мы относим науку вслед за П. Бурдье к символическим формам капитала. Например, появление на сайтах Американского CIA и Британского MI6 вакансий специалистов-русистов в разгар Крымского кризиса вряд ли было связано с любовью к русскому языку. Очевидно, внутренний научный рынок стран ЕС и США не был способен удовлетворить эти спонтанно возникшие потребности в короткие сроки, что стимулировало привлечение русскоговорящих мигрантов-филологов. С точки зрения психологии, в языке представлено мышление, выучить правила и запомнить слова может каждый, но схватить ментальную сущность, уловить мельчайшие оттенки смысла, транслируемые не только вербально, но и телом, мимикой,

интонацией, тембром голоса, или стилем письма, может либо носитель языка, либо человек, проживший длительное время за рубежом.

Указанные факты дают основания трактовать рынок научных ресурсов как привилегированный, возникающий над более ранними и жизнеобеспечивающими формами социальной активности, и одномоментно подверженный в большей степени влиянию социальных и политических сил, чем жизненной необходимостью и удовлетворением базовых, фундаментальных потребностей индивида.

Чаще всего наука поднимается над любыми государственными границами, в результате этого ценность ученого, в отличие от иных специальностей, неизбежно девальвируется от перехода, а в ряде случаев может существенно расти как в принимающей стране, так и на родине. Мобильность может быть эффективной стратегией накопления социального, культурного и экономического капитала. Ученые, будучи носителями символического капитала, оказываются подчиненными соответствующим правилам и регламенту обращения с этим капиталом, прежде всего это стремление к самопродуцированию знания и распространению его за рамки привычных ментальных и территориальных границ.

Цель статьи – дать описание современного положения мигрантов-ученых за рубежом, указать специфические характеристики трудового рынка академической среды, эксплицировать основные способы международной интеграции.

Материал и методы. В работе содержатся сведения о русскоговорящих ученых, мигрирующих в США и ЕС (как наиболее притягательные регионы). Все цитируемые исследования еще не переведены на белорусский и русский язык. В статье представлен многолетний авторский опыт сотрудничества с зарубежными университетами и международными фондами. При этом использованы следующие методы: дескриптивный, анализ и синтез, обобщение.

Результаты и их обсуждение. Исторически так сложилось, что формы мобильности ученых отличаются от представителей других социальных групп: бизнесменов, спортсменов, чиновников, которые, как правило, перемещаются в рамках определенных международных корпораций решениями вышестоящего руководства либо привлекаются выгодными инвестиционными возможностями. Ученый практически всегда в принятии решения о миграции вынужден опираться на себя, стремясь при этом к расширению своего социального пространства и большей профессиональной социализации.

Для ряда ученых миграция и академические обмены становятся неотъемлемыми компонен-

тами самоидентичности: постоянное развитие, обмен знаниями и личностное развитие во многом катализируются посредством общения с зарубежными партнерами. Диалог с иностранными коллегами помогает в размыкании привычных рамок мышления, обогащает нашу психику и сознание новой ценной информацией.

Наиболее частые причины оттока исследователей за рубеж вполне предсказуемы:

1. Низкий уровень заработной платы. Для примера, стипендия аспиранта в РФ составляет примерно 3000 р. (40 долларов).

2. Недостаточное информационное и материально-техническое обеспечение для проведения исследований, особенно по естественным и техническим дисциплинам. Например, печально известная ситуация с отказом весной 2015 г. крупнейшего международного научного издательства Springer в подписке российским вузам и институтам «в связи с задолженностью более 89000 евро» [1] означает не только изоляцию от мировой научной общественности, но и увеличивающееся отставание по всем дисциплинам.

3. Отсутствие социального заказа. Спрос на фундаментальные исследования со стороны государства крайне слабый. Коммерческие организации и спонсоры готовы финансировать только краткосрочные и быстро окупаемые проекты. Политика государства непредсказуема и противоречива, так в мае 2015 г. самый крупный на постсоветском пространстве частный некоммерческий фонд поддержки научных инициатив «Династия» Д. Зимина был закрыт по причине «организации, выполняющей функции иностранного агента» [2].

4. Нестабильность политической, социальной и экономической сферы, а также бюрократизация работы. Правильное оформление отчетов и заполнение многочисленных бумаг значит зачастую гораздо больше, чем реальные научные результаты.

С начала 90-х годов по 2004 г. мигрировало более 25000 ученых, порядка 40000 постоянно работают в зарубежных университетах и лишь формально числятся в российских университетах. Большая часть ученых мигрирует в Европу (42%) и Северную Америку (30%) [3].

Для многих исследователей и ученых знакомство с зарубежными коллегами начинается еще в университете с программ студенческого обмена и зарубежных стажировок. Как показывает практика, наиболее отлаженные и работающие каналы связи академических обменов (также, как и максимальное число ученых, уезжающих за рубеж) приходятся на Москву и Санкт-Петербург. Они являются монополистами по целому ряду причин: эти города всегда знакомы иностранцам,

территориально близки Европе, университеты имеют развитую информационную и техническую базу, в соглашениях о международном сотрудничестве многие столичные вузы прописывают монопольное право на партнерство с западными коллегами на территории РФ на период сотрудничества, дополнительный фактор это административный ресурс и близость к центральной власти.

Не менее важным для развития кооперации с иностранными партнерами является «的独特な科学的提案», которое формируется в ответах на следующие вопросы: «Что вуз способен предложить?», «Какие сильные и уникальные разработки и/или ученые есть в университете?», «Как продвигается университет в англоязычных поисковых системах и т.д.?». Без ответа на эти вопросы сложно претендовать на тесное и активное международное партнерство. Пока же самыми востребованными направлениями для сотрудничества российских и зарубежных университетов остаются проекты в сегменте бизнес-администрирования, финансы, экономика, а также программирование и прикладные технические дисциплины как наиболее рентабельные и быстро окупаемые инвестиционно-образовательные проекты. Возможно, в них слабо развит фундаментальный научный компонент, но российские студенты готовы за это платить, а иностранцы готовы этому учить. Именно по этим направлениям наибольшее количество российских университетов имеет соглашения с иностранными партнерами о возможностях стажировок или выдачи двойных дипломов.

Если говорить о научных обменах, пальма первенства по количеству выезжающих принадлежит магистрам и аспирантам, а по «продуктивности» и перспективе на будущее сотрудничество – кандидатам и профессорам. При этом европейцы и американцы больше доверяют, если защита диссертации проходила в их стране, а не на постсоветском пространстве. Такие исследователи могут претендовать на более высокое положение в научных кругах. Но в Беларуси или России аспирантура 3 года, а в США и ЕС от 5 лет со множеством дополнительных экзаменов и аттестаций.

Наличие кандидатской степени позволяет российскому ученому претендовать на постдоковскую ставку в большинстве иностранных университетов и проводить исследования под руководством профессора. В результате принимающая страна получает готового специалиста, который может в чем-то разбираться лучше своего руководителя. Мигрант хотя и теряет в статусе, но получает опыт работы в новой стране, при этом за гораздо большие деньги, чем на родине. Как отмечает Р. Флорида, «обладание квалифицированными мигрантами, предоставляющими свои таланты

и творчество, является ключом к инновациям и наукоемкому экономическому росту» [4].

Интересно проследить судьбу иностранных докторов, защитившихся на Западе. В США, через один год после защиты докторской, 73% иностранцев оставались в стране, через 10 лет этот процент сократился до 60% [5]. Для сравнения, статистика DAAD показывает, что через 1 год после защиты докторской в Германии остается только 50% иностранных граждан [6]. Даже оставаясь в новой стране, исследователи продолжают сохранять научные контакты с отчизной и в большинстве случаев предпочитают временный характер работы за рубежом, т.е. выбор делается в пользу временной, циркулярной миграции как более легкой и доступной, особенно на начальном этапе. В дальнейшем это может перерасти в постоянную, а может зафиксироваться в текущем состоянии. При этом молодежь и недавние выпускники более подвижны на международном рынке труда, чем их старшие коллеги. Отсутствие семьи и детей дает больше возможностей для переездов и миграции. Эти факты подтверждает известное наблюдение психологов, что в молодом возрасте процесс обучения и усвоения новой информации происходит гораздо быстрее и легче, чем в более зрелом. Подвижность психических процессов обеспечивает достаточно быструю социально-психологическую адаптацию.

Еще одним фактором, влияющим на академическую мобильность, является пол. Как следовало ожидать, женщины менее мобильны, чем мужчины. Для сравнения, в Австралии 37% мужчин-профессоров регулярно преподают в зарубежных вузах, в то время как среди женщин этот показатель составляет лишь 22% [7], при этом последние предпочитают оставаться за рубежом на более короткий срок. Причиной этого может быть либо дискриминация женщин, либо специфика полоролевого поведения, которая формируется в ходе воспитания и обучения.

В настоящее время мобильность среди исследователей становится частью научной жизни и устанавливается в качестве нормы, очевидно, в дальнейшем эта особенность будет только прогрессировать. Образ ученого-затворника, проводящего исследования и сидящего над книгами, трансформируется в образ ученого-путешественника, значимость которого определяется умением продать себя и быть в нужном месте с нужными людьми.

Практика показывает, что возвратная трудовая миграция научных сотрудников и различные формы академических обменов становятся важной частью подготовки ученых. Каждый исследователь является носителем определенной

научной культуры, методологической парадигмы, которую он лучше знает и чаще использует. Переездение даже в пределах разных университетов, а тем более стран оказывает влияние не только на личность ученого, но и на его методологические и ценностные установки. Научный деятель становится медиатором стран и культур, у него появляется возможность лучше узнать международные учебные кодексы, поведенческие модели, повысить уровень владения иностранным языком и улучшить педагогическое мастерство. Бессспорно, что это влияет на психологические особенности личности: повышение самооценки, развитие коммуникативных навыков, формирование новых поведенческих паттернов и обогащение Я-концепции.

Культурные особенности научного стиля мышления даже в одинаковых дисциплинах могут существенно отличаться в зависимости от страны – это создает дополнительные трудности в ходе адаптации мигрантов за рубежом. Подобные случаи описаны социальным психологом Ашом в отношении адаптации немецких ученых-мигрантов в период Второй мировой войны, когда ученым приходилось привыкать к «различиям в профессиональных стилях» американской и немецкой науки, при этом зачастую данный процесс сопровождался понижением социального статуса [8].

Перечисленные факты позволяют говорить о глобальном рынке научной миграции, в рамках которого существует множество локальных кластеров, цементированных вокруг очагов политической, социальной и финансовой власти, близость к этим центрам позволяет обладать большим потенциалом, но требует демонстрации приверженности общепринятым и социально одобряемым правилам и установкам. Выход из этой социальной структуры приводит в большинстве случаев к негативным социальным последствиям, но, если этот риск обдуман и сознательен, он может стать фундаментом для осуществления успешной адаптации ученых-мигрантов. Целый ряд культурологов, социологов и психологов пытались исследовать эти моменты, для примера: К.Н. Jarausch в своей работе демонстрирует, что «в Европе и Северной Америке университеты до сих пор еще замкнуты в национальных стереотипах» [9], т.е. сохраняются остаточные явления дискриминации по расовым, этническим и другим предрассудкам. В то время как для итальянских ученых характерна иная социальная групповая динамика – они тяготеют к клановости (непринадлежность к какой-либо научной группе может стать пагубной для карьеры). Во Франции и Японии наблюдается приватность академического пространства, «зарубежные ученые не всегда при-

зываются на равных» [10]. Исходя из этого можно сделать вывод, что классическое социально-психологическое противостояние групповых интересов в той или иной степени свойственно всем людям. «Свой» и «чужой» являются базовыми характеристиками, описывающими психологические особенности взаимодействия в социуме.

Но если большинство потоков мигрирующих ученых (временная, трудовая, циркулярная и другие формы географической мобильности) направляются в Европу и США, то уместно задаться вопросом, куда едут, мигрируют или где проходят стажировки профессора, аспиранты, студенты из Европы и Северной Америки? Ведь, согласно законам Э.-Г. Равенштейна, любому миграционному потоку противостоит свой контрпоток. Отчеты и лонгитюдные наблюдения социологов, психологов и демографов свидетельствуют, что американские студенты чаще предпочитают внутреннюю миграцию и стажировки на родине, чем поездки за рубеж. Для европейских и американских ученых опыт сотрудничества с зарубежными университетами (вне Евросоюза или США) не имеет особого значения, т.к. это слабо влияет на академический рейтинг или процесс трудоустройства. В силу высоких ассигнований американского правительства в сферу образования все необходимое для исследований находится либо в самом вузе, либо достаточно съездить в соседний штат. Внешняя миграция отходит на второй план и вперед выдвигается внутренняя. Более того, социально-психологическое исследование G.E. Walker показывает: европейские и американские специалисты опасаются, что, тратя драгоценное время (стажировки, обучение, чтение лекций) вне США или Евросоюза, они его потеряют и станут в результате менее конкурентоспособными на рынке труда, т.к. они могут выпасть из существующей системы социальных связей [11]. В таких условиях у специалистов не формируется достаточной потребности выезжать куда-либо и преодолевать языковые, бюрократические, технические или культурные барьеры. Исключение составляют специалисты научных дисциплин, привязанных к другим регионам (этографы, историки, лингвисты, регионоведы и т.д.). Для этих специальностей стажировка в далекие и малоизученные уголки мира способна благотворно повлиять на карьерный рост. Приехав в другие страны, специалистам, изучающим даже одинаковые дисциплины, бывает сложно найти общий язык. Как сказал А.П. Чехов, «национальной науки нет, как нет национальной арифметики», но, очевидно, не все так просто. Разница методологии и дисциплинарной парадигмы дает о себе знать. Так, американские коллеги-психологи были крайне изумлены, познакомив-

вшись с трудами классиков советской психологии. Дело даже не в идеологическом привкусе, а просто в различных представлениях о целях, задачах и методах в психологических науках двух стран. Российская психология для американцев, так же непривычна, как для нас индийская или японская – уж слишком велики культурные различия. В истории СССР были и более сильные расхождения, где разрыв был непреодолимым (кибернетика, генетика и т.д.), тогда наука превращалась в «служанку политики».

Безусловно, это не все вопросы, стоящие на пути полноценного диалога и налаживания коммуникации между академическими сообществами в разных регионах. Например, для России сохраняется вопрос признания российских дипломов и научных степеней в странах ЕС и США. Несмотря на Лиссабонскую конвенцию от 1997 г. и Болонскую декларацию 1999 г., де-факто отсутствует единообразие в учебно-методической работе, компетенциях, зачетных единицах (кредитах), отсутствует приложение Европейского образца ко всем выдаваемым в России дипломам и т.д. Это создает дополнительные трудности не только в адаптации русскоговорящих мигрантов за рубежом, но в т.ч. в реализации культурных и образовательных инициатив. Пара-докс ситуации состоит в том, что государство требует от ученых одновременно интегрированности российской системы образования и науки в мировые процессы, но одномоментно оставляет не решенными базовые и фундаментальные задачи, которые самими учеными самостоятельно решены быть не могут. Но остается дискуссионным вопрос «Не возрастет ли миграционная готовность российских академических кругов, если российские и западные дипломы, научные степени будут иметь одинаковый вес и авторитет?».

В настоящее время одним из способов поддержания и развития международного сотрудничества ученых является получение грантов от самых разнообразных фондов и ассоциаций (The Carnegie Foundation, Fulbright association, Erasmus, Alexander von Humboldt Foundation etc), которые подразумевают не только проведение исследований, но и совместные публикации, «круглые столы», конференции. Для многих российских ученых опыт участия в международных проектах является очень важным. Общение с зарубежными партнерами не только позитивно влияет на карьерные перспективы исследователей, но и формирует положительный имидж, научный капитал ученого и университета в целом, особенно в РФ.

Помощь в успешном научном сотрудничестве для отечественных ученых может оказать русскоговорящая научная diáspora за рубежом,

отмечено, что национальный фактор влияет на подбор сотрудников. Более того, иностранные студенты ориентируются в выборе учебных заведений на наличие национально близких профессоров (исследования выходцев из Китая, Кореи, Индии и Турции оказывают такой социально-психологический эффект) [12]. Межличностные связи с уехавшими за рубеж учеными могут, хотя бы локально, улучшить положение отдельных университетов и исследовательских групп, находящихся на постсоветском пространстве. Отчетливо эту идею озвучивают многие ученые начиная с А. Коробкова и заканчивая Ж. Зайончковской. Через деловые и межличностные связи становится возможной трансформация феномена «утечки мозгов» на более позитивный «мозговое обращение».

«Утечка мозгов» характерна для закрытых социальных систем (каковым был СССР), но в случае открытого общества и наличия культурных и научных связей (особенно если они не политизируются в угоду существующей конъюнктуре власти) академическая среда демонстрирует свойства самоорганизующейся и равновесной системы. Наука никогда не будет свободной от власти и социальных процессов, но мы можем стремиться к тому, чтобы академическое пространство было по возможности нейтральным для диалога и взаимодействия максимально широких социальных групп.

Ряд стран, осознавая важность академического сотрудничества, но при этом стремясь сохранить интеллектуальный капитал региона и предупредить безвозвратную миграцию ученых, создают программы репатриации ученых. Наиболее преуспели в этом «четыре азиатских тигра», а также Индия и Китай. Китайских ученых, возвращающихся на родину, ожидают высокооплачиваемая работа и персональный водитель с машиной.

В России случаи возвращения после получения зарубежного диплома или защиты докторской степени единичны – обычно это специалисты в сфере МВА, финансов и компьютерных технологий, которые изначально учатся под готовые топовые позиции в менеджменте крупных российских или международных компаний. Мы можем констатировать, что в основе психологической мотивации индивида для получения качественного и престижного международного образования на первое место все чаще выступают материальные аспекты и перспективы успешной карьеры.

Заключение. Тема научной миграции требует более пристальной разработки и исследования, в этой работе мы сосредоточили свое внимание на ученых, которые остаются в науке после миграции, мы обошли стороной дауншифтинг, хотя такие варианты также имеют место (канди-

ПСИХОЛОГИЯ

дат наук, ставший таксистом), но уже сейчас мы можем подвести промежуточные итоги:

- миграционная активность ученых носит привилегированный характер и имеет специфические особенности (экономические, трудовые, психологические, социальные), не свойственные другим группам мигрантов;

- направление основных миграционных потоков с юга на север и с востока на запад едино для всех групп населения;

- методологическая программа научных дисциплин имеет специфические региональные черты, что является дополнительной проблемой на пути аккультурации ученого;

- ученые тяготеют к временной или циркулярной трудовой миграции;

- феномен «утечка мозгов» характерен для закрытых, обособленных стран. В открытых и демократических обществах превалирует «мозговое обращение» как взаимообмен идей в рамках академических дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коммерсантъ [Текст]: Ежедневная общенациональная деловая газета. – 2015. – № 80.
2. Фонд Дмитрия Зимины «Династия» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.dynastyfdn.com/news/1283>.
3. Гольдфельд, М.Г. Исход науки из России: есть ли свет в конце туннеля? [Текст] / М.Г. Гольдфельд // Химия и жизнь. – 2007. – № 92. – С. 44–50.
4. Florida, R.L. The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent [Text] / R.L. Florida; HarperCollins. – New York, 2005.
5. Finn, M.G. Stay Rates of Foreign Doctorate Recipients from U.S. [Text] / M.G. Finn; Oak Ridge institute for Science and Education. – New York, 2010.
6. Wissenschaft weltoffen: Facts and Figures on the International Nature of Studies and Research in Germany [Text] / Deutscher Akademischer Austauschdienst (DAAD). – Bertelsmann, 2010. – P. 81.
7. Welch, A.R. The peripatetic professor: the internationalisation of the academic profession [Text] / A.R. Welch; Higher Education. – New York, 1997. – P. 329.
8. Ash, M.G.I. Emigr Psychologists after 1933: the cultural coding of scientific and professional practices [Text] / M.G.I. Ash; Cambridge University Press. – Washington, DC 1996. – P. 117–121.
9. Jarausch, K.H. Challenges of internationalization: careers in humanities and social sciences [Text] / K.H. Jarausch; Alexander von Humboldt Foundation. – Bonn, 2005. – P. 35.
10. Kim, T. Transnational academic mobility in a global knowledge economy: comparative and historical motifs [Text] / T. Kim; Routledge. – London, 2008. – P. 319–337.
11. Walker, G.E. Comments on the future of the Atlantic scholarly alliance [Text] / G.E. Walker; Alexander von Humboldt Foundation. – Bonn, 2005. – P. 30.

Поступила в редакцию 22.06.2015 г.